МОНАСТЫРСКИЙ
ЗЮБА
СТЕПАНОВ
& ПАРТНЕРЫ

МЗС

МИНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

22-24 октября 2015 г.
Отель «Ренессанс», Минск, Беларусь

Сессия «Банкротство, розыск активов (в том числе за рубежом),
уголовные аспекты при банкротстве»

Значение юридических услуг в области банкротств в фазе кризиса в экономике

Юрий Монастырский

Дамы и господа!

Правовое сопровождение дел о несостоятельности имеет в настоящее время для национальных рынков наших стран особую значимость, и поэтому обмен опытом, взглядами и оценками будет весьма полезным.

Сегодня сильнее чем прежде данный сектор юридической практики является наиболее доходным для фирм в силу крупности требований и многоплановости вопросов, разбираемых в делах о банкротстве. В них на кон поставлен обычно весь бизнес клиента либо его контрагента. В проектах особую роль играют такие конкурентные характеристики фирм, как качество, оперативность, командная слаженность, то есть то, что должно быть у нас и так на первом месте. С другой стороны, для российской экономики регулирование банкротств является важным, чуть ли не наиважнейшим, компонентом противостояния экономическому спаду и кризису, так как основная сфера, затронутая и усиленная санкциями, это финансовый сектор – кровеносная система экономики.

В России каждую неделю отзываются лицензии у банков, что вызывает неизбежный эффект домино. Удар приходится не только по вкладчикам, которые, может быть, громче всех бунтуют, а что более важно, по аффилированным инвестиционным структурам и финансовым институтам, вовлеченным в живые проекты.

Сам институт банкротства призван излечивать оперативно и справедливо нарушенные экономические связи и способствовать безболезненной, насколько это возможно, ликвидации диспропорций. Когда же этот инструмент функционирует плохо, то это чревато, не побоюсь этого громкого слова, всеобщим коллапсом.

Россия 121099 Москва
Новинский бульвар 3 стр 1

т: (495) 231 4222
ф: (495) 231 4223
е: moscow@mzs.ru
www.mzs.ru

В России закон о банкротстве несколько раз полностью менялся или переписывался. В постсоветское время требовалось насколько это возможно препятствовать разорению с «выбросом» на улицу огромного числа работников крупных государственных предприятий. Закон был скорее продолжниковским, позволявшим существовать этим огромным, не прошедшим приватизацию структурам, и далее, несмотря на долги показывая приемлемый для функционирования без введения внешних процедур бухгалтерский баланс, который мог верстаться в одностороннем порядке.

После активной фазы реформ в девяностые годы редакция закона была изменена на противоположную. Был введен абсолютно прокредитовский акт, способствующий немедленному разорению и распродаже имущества должникапри непогашении финансовой задолженности всего в 500 тысяч рублей. Таким образом, экономический ландшафт благодаря действию такого закона был полностью изменен за два-три года.

В дальнейшем регулирование в области банкротства преследовало цель обеспечения прочной связи между дешевыми кредитными ресурсами, перетекавшими через банковскую систему с запада в растущую, как на дрожжах, экономику России, и так называемыми субъектами инвестирования. Действовала новая редакция закона, которая подчинялась именно требованию безопасности капиталовложений. В чем это выражалось? В том, что у инвестора не было и не могло быть никакой субсидиарной ответственности за неудачу своих операций на территории Российской масштабные поправки к закону в июле 2013 года были направлены на претворение в жизнь крупной реформы, связанной с раскрытием разнообразных контролирующих цепочек и систем участия в проектах конкретных лиц. Главное состоит в том, что была введена именно субсидиарная ответственность за фиаско своих проектов, которую несли в том числе и физические лица, включая беглых олигархов. Субсидиарная ответственность подразумевает в своем крайнем выражении возложение санкций и на владельцев бизнеса, де-факто ведущих дела в своей финансовой группе, но не имеющих права подписи и не занимающих никаких должностей ни в каких компаниях. Таковой закон был введен как часть реформы, суть которой состоит в полном раскрытии и прозрачности бизнеса в целом.

Следующим крупным законодательным нововведением, призванным внести существеннейшие коррективы в механизм банкротств, стали поправки к такому фундаментальному понятию гражданского права, как убытки. Убытки, вопреки распространенному заблуждению, категория универсальная, а не только договорного права. Их можно взыскивать всегда: и при причинении вреда, и при договорных нарушениях, и при присвоении чужой интеллектуальной собственности, и в иных случах. Так вот, ранее убытки присуждались при пяти условиях: противоправность, причинная связь, вина нарушителя, наличие ущерба, доказанный его размер. Суды практически единообразно требовали от пострадавших в случае заявления ими требования именно об убытках, документально подтвердить их величину, достоверно и ясно, а также причинно-следственную связь и то, что действия названного причинителя были противоправными. Теперь, и это главное, убытки и их размер доказывать не нужно, а суд, установив правонарушение, должен сам определять размер убытков по принципам разумности и справедливости. В закон же о банкротстве ввели пункт о презумпции существования причинной связи. Это само по себе открывает огромные возможности для кредиторов. Закон устанавливает, например, то, что при

заявлении претензии к контролирующему лицу оно не лишено возможности доказать отсутствие причинно-следственной связи между своими действиями и банкротством должника.

Эта формула смещает акценты в деле представления суду так называемого состава правонарушения: заявитель теперь должен лишь назвать виновника и доказать вред как таковой.

Само собой появилось много дел, где должны были по-новому решаться привычные в делах о банкротстве вопросы. Практика их разрешения, само собой, за такой короткий срок еще не сформировалась, но обнажились недостатки. Несмотря на небольшое время с момента введения последних поправок в закон о несостоятельности, проявились старые изъяны российской правовой и судебной систем, а именно: ненадлежащее исполнение своей роли до сих пор правоохранительными органами, которые, в общем-то, имеют большой опыт применения статьи о мошенничестве.

Полиция совершенно неадекватно реагирует на очевидные подтасовки документов и манипуляции доказательствами, которые появляются со стороны должника буквально в каждом банкротстве, и в первую очередь и почти неизбывно, в вопросе придумывания, фальсификации наличия больших конкурирующих требований к должнику от имени якобы его партнеров, с целью размытия, так сказать, или уменьшения шансов для подлинных кредиторов получить компенсацию за счет имущества и доходов обанкротившегося. Это приводит к тому, что пророс и развился сорняк так называемых «серых» юридических услуг и подконтрольных арбитражных управляющих. Все это препятствует законному, как говорится, унаследованию бизнеса теми кредиторами, которые способны продлить жизнь важной производственной цепочке и кооперационной связи путем получения контроля над бизнесом должника. Банкротство в Российской Федерации в своей последней стадии это, как правило, увод имущества и прекращение всякой деятельности. Уверен, что в будущем этот крупнейший недостаток в институте банкротства будет изжит, и для юридических фирм появится новая, благодатная область для применения юридических знаний и опыта, что послужит оптимальному функционированию банкротства как инструмента регулирования экономической деятельности в фазе кризиса.

Спасибо за внимание!